

г. Калач под Сталинградом. Там Гайдар будто бы сочинил несколько рассказов и читал их советским солдатам, а после освобождения лагеря его «усадили в приехавшую машину с занавешенными окнами и увезли неизвестно куда» (URL: <http://medvedkino.ru/blog/gaydar>). Притягательность и загадочность личности Гайдара продолжают волновать новые поколения его читателей.

Литература

Башков 1986 — Башков В. П. «Плачет где-то иволга»: Константиновские этюды. М., 1986.

Береза 1984 — Береза В. А. В гости к Гайдару: Путеводитель по Библиотеке-музею Аркадия Гайдара в Каневе. Изд. 3, перераб. и доп. Киев, 1984.

Гайдар 1982 — Гайдар А. П. Собр. соч.: в 4 т. М., 1982. Т. 4.

Гайдар — Гайдар Т. А. Голиков Аркадий из Арзамаса // URL: <http://www.arkadiygaydar.ru/ll-al-kniga-3418>

Детская литература — Детская литература. 1936. № 3.

Казачок 2006 — Казачок М. В. Личность и творчество Аркадия Гайдара в критике и литературоведении. Арзамас, 2006.

Паустовский 1964 — Паустовский К. Г. Встречи с Гайдаром // Жизнь и творчество А. П. Гайдара. М., 1964. С. 181—191.

Серов 1933 — Серов Б. Тайна сказки // Знамя. 1933. № 9. С. 195—196.

Тарасенков 1933 — Тарасенков А. Да здравствует сказка! // Детская и юношеская литература. 1933. № 9. С. 1—4.

Фольклорные сокровища 2001 — Фольклорные сокровища Московской земли: в 5 т. М., 2001. Т. 4.

Сокращения

ЗА — Записи автора. Тетр. 16. № 470, г. Москва, автобус № 291, процарапанная надпись на задней стороне спинки пассажирского сиденья, 18.09.2011.

Summary. *The tales by Arkady Gaydar are analysed in this article. These author's tales were created by the writer with the use of folklore fairy themes and images. In turn, Gaydar's vivid imagery became objects of parody in different genres of Internet folklore: Internet tales, Intrenet jokes, false advertisement, etc. Some of Gaydar's fairy characters occur in offline folklore.*

Key words: *folklore influence, Arkady Gaydar, fairy-tales, Folklore of Internet, parody.*

УДК 393
ББК 82.3(2)

А. Ф. БАЛАШОВА
(Москва)

СУБКУЛЬТУРА ПОИСКОВИКОВ: ОСНОВНЫЕ ОБРАЗЫ, СЮЖЕТЫ И МОТИВЫ

Аннотация. В статье освещены проблемы, связанные с этическими нормами и правилами, принятыми в поисковой среде. Проанализированы образы «красного» и «черного копателя», перечислены основные фольклорные мотивы и сюжеты.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, поисковое движение, поисковик.

Представленная работа является развитием и логическим продолжением темы: «Мотивы и сюжеты традиционного фольклора в устных рассказах о Великой Отечественной войне», которая стала предметом нашего интереса в последние несколько лет. Несмотря на отдаленность во времени событий Великой Отечественной, память о ней остается в устном бытовании не только очевидцев войны и членов их семей, перейдя из формы меморатов в семейные предания, но и находит новые формы воплощения в фольклоре современных молодых людей, войны не знавших. При всем своем явном своеобразии эти современные устные (а нередко и передаваемые в письменном виде по каналам Интернета в сообществах поисковиков и организованных ими группах в социальных сетях) рассказы обнаруживают явную преемственность с традиционным фольклором, исследовать которую нам представляется важным.

Традиция изучения устной прозы о войне изначально исходит из понимания ее «достоверной», почти документальной природы. Тем не менее было бы неверным воспринимать сюжеты воспоминаний о войне исключительно в этом ракурсе: многие их составляющие основаны на мифопоэтическом переосмыслении действительности и являются производными нескольких

относительно независимых процессов. С одной стороны, в них воспроизводятся архаические мотивы и образы, восходящие к фольклорной традиции (восприятие войны как наказания за грехи, многочисленные предзнаменования войны, победа над этническим противником, чудесное спасение от неизбежной смерти и т. п.). С другой стороны, в официальной идеологии, транслируемой через СМИ и иные средства пропаганды, создается свой миф, свои типы героев, сюжеты и образы.

Советский официальный миф о войне проявлен через систему сакральных мест и объектов (памятники, братские могилы, Вечный огонь, Знамя Победы), он облуживается специальными ритуалами (День Победы, годовщины событий, минута молчания, митинги, встречи с ветеранами, салют и т. п.), подкреплен и воспроизведен в текстах (от песен и литературы до кинематографии). «Созданные в то время символы представляли собой причудливое сочетание реальных фактов и вымысла, подлинных событий, отраженных в кривом зеркале пропаганды» [Сенявская 1999, 223]. Исследователь массового социально-психологического феномена «человека воюющего» Е. С. Сенявская выделила основные методы, с помощью которых система создавала символы [Там же, 234]. Официальный миф о войне органично накладывался на мифологему о «большой семье» во главе с мудрым и заботливым «отцом народа» Сталиным, о которой писали исследователи Катарина Кларк [Кларк 1992], Ханс Гюнтер [Гюнтер 1997]. Нам не раз приходилось фиксировать в воспоминаниях участников войны, как отношения в армии сравниваются с отношениями в семье.

В конце XX в. возникает новая устно-мифологическая традиция, связанная с военными событиями. Ее носителями и становятся поисковики. Она имеет несколько источников: традиционный культ почитания предков, элементы мифологических представлений о кладах, о заложных покойниках, а также «вторичные» культурные вливания из массовой культуры. Обнаруживается в ней и определенная преемственность с ранними формами устной

прозы о войне, в том числе использует она и советский военный миф, который частично воспроизводится, а частично пародируется в неофициальном контексте (в том числе в анекдотах о Сталине, Жукове).

Предметом нашего рассмотрения является фольклорная традиция, бытующая в среде поисковиков, разнородной субкультуры, включающей отдельных энтузиастов, представителей военно-патриотических клубов, участников «Вахт памяти» (так называется и поисковая экспедиция в конкретном районе во время майских праздников, и вообще весь поисковый сезон в области, который длится с апреля по ноябрь), реконструкторов событий истории, охотников за трофеями времен войны.

Мы считаем правомерным использование в качестве **источников** для данной статьи не только записей устных рассказов, но и материалов из Интернета (наиболее популярных поисковых сайтов, чатов, групп по интересам в социальных сетях), поскольку в XXI в. общение на досуге в значительной мере перемещено в виртуальное пространство. При общении друг с другом поисковики используют свой жаргон, образную речь, воспроизводят типичные для копателей ситуации. Кроме того, в Интернете размещен материал для собирающихся вступить в ряды поисковиков. В сборнике «Мы погибнем вчера» уважаемого в рядах копателей писателя и поисковика А. Г. Ивакина [Ивакин 2010] отражены многие сюжеты, связанные с мировосприятием поисковика и с поисковой мистикой. Большой популярностью пользуются аудиокниги А. Г. Ивакина, особенно аудиосборник «Я живу в ту войну» [Ивакин 2011].

При написании статьи использованы также материалы региональной периодики, где, как правило, авторы статей сами являются поисковиками (среди них — студенты отделения журналистики местного филологического факультета) или люди, которым близка среда поисковых отрядов. В заметках и репортажах обильно цитируются слова рядовых поисковиков и командиров отрядов, нередко сохраняются черты разговорной речи, что в некоторой степени напоминает записи устных

рассказов. Однако следует критически подходить к данным текстам, т. к. они могут отражать и субъективное мнение редколлегии, устоявшиеся штампы. Использованные материалы, как и тексты современного городского фольклора, «структурно, содержательно и функционально связаны с массовой культурой, активно используют ее семантику, топик, стилистику» [Неклюдов 2003, 12].

В качестве источников сюжетов и образов можно использовать авторские видео- и аудиозаписи, песни о поисковиках, выложенные в социальных сетях. В них отражена в первую очередь тема памяти и преемственности традиции между поколениями. Необходимо учитывать, что некоторые тексты возникли как насмешка над созданным СМИ и представителями власти образом поисковика. Среди наиболее популярных авторских песен — «Долина смерти», «Долина нашей памяти», «Георгиевская ленточка», «Реквием (Песня о погибшей роте)», «Старый следопыт», «Следы ровесников» (в ней слова «на четверть века старше нас» заменяют на «полвека»), «Егорка», «Под городом Ржевом». Положено на музыку стихотворение А. Т. Твардовского «Я убит подо Ржевом». Известные видео, которые можно найти в социальных сетях, — «Звенящая тишина», «Могила известного солдата», «Ангелы смерти», «Лесные сраки» (одна из номинаций «черных копателей»), «Заберите своих мертвецов», «Долина смерти. Эхо войны», «Тайны черных копателей», «Найти войну».

Наиболее удачные интервью и комментарии при личном общении и в социальных сетях были получены от поисковиков — студентов гуманитарных факультетов (прежде всего — филологического и исторического), имеющих опыт работы с информантами, знакомых с различными вопросниками и т. п. Они отредактировали предложенный вопросник, чтобы можно было получить максимально полный ответ, не показывая себя профаном в данной теме и никого не обидеть. Посоветовали осторожнее спрашивать о различиях между «красными» и «черными» копателями, поскольку *каждый «красный» мог хоть раз копнуть по-черному*. Они же рассказали о различиях по направлениям

форумов, на которых «сидят» поисковики. Например, «*“WW2.forum” предпочитают профессиональные коллекционеры, на “Ливингхистори” можно встретить множество поисковиков, которые занимаются реконструкцией, “Рейберт” ценят любители истории немецкой армии, “Ганза” используется как торговая площадка военным антиквариатом*». Командиры поисковых отрядов и поисковики, не верящие в мистику, охотно рассказывают случаи, о которых слышали от друзей по копу: «*За что купил — за то и продаю*» (Зап. от Трохова Егора Александровича, 1989 г. р. Командир поискового отряда «Медведь». Смоленск. 2011 г.) [ЛАБ]. Подробные ответы были присланы поисковиками из разных городов по электронной почте и в социальной сети «ВКонтакте», где вопросники были выложены в тематических группах. Кроме того, удобно записывать беседы с поисковиками, приехавшими из разных регионов России и стран ближнего зарубежья на церемонии закрытия «Вахты памяти».

В наши дни к поисковому движению причисляют организации, ведущие поиск пропавших без вести солдат Великой Отечественной войны, идентифицирующие останки на основе смертных медальонов и архивных документов, ищущие родственников опознанных бойцов. Поисковые отряды входят в состав объединений. В среде копателей в правовом плане возникает оппозиция «черный копатель — красный копатель», во многом совпадающая с оппозицией «черный археолог — белый археолог», т. е. люди, ведущие законные и незаконные (для личного обогащения) раскопки. Иногда «красных» копателей называют «белыми». В аксиологическом плане эти типы копателей («красный» и «черный») отличаются прежде всего отношением к погибшим. Кроме того, «красные» копатели лучше знают историю места, в котором проводятся раскопки; если она не общеизвестная, требует работы в архивах. Отдельных энтузиастов, не имеющих официального разрешения на поисковую деятельность, считают «черными копателями». Антитезой *черному* становится *красный* цвет, что во многом связано с образом Красной Армии; цветом знамени; иде-

ологией первых советских следопытов, отправившихся в леса, чтобы *найти и по-человечески похоронить* погибших в годы Великой Отечественной войны солдат. С одной стороны, «красные» и «черные» копатели маркированы общественным мнением знаками «плюс» и «минус». С другой стороны, среди самих копателей оппозиция «черных» и «красных» различается прежде всего в соответствии с системой ценностей, духовной основой человека, т. к. *«есть “черные”, которые на свои деньги хоронят солдат, а есть “красные”, играющие в футбол черепами немцев»* (Зап. от Михаила Васильевича Дзюбенко, 1992 г. р., поисковика из отряда «Единорог». Москва) [ЛАБ]. В наши дни традиции «черных» и «красных» копателей во многом переплетаются и не всегда могут быть последовательно отделены одна от другой. Сами копатели порой говорят о тенденции к размыванию границ между данными категориями. Причиной стал переход этой темы из идеологического в историческое русло. Четко разграничивают эти группы обычно *очень идейные поисковики*.

Поисковиков можно отнести к *субкультуре*, поскольку воспроизведен основной набор ее признаков, выделенных исследователями, включая *«знаковые»* (общность идеологии, ментальности, символики, культурного кода, картины мира); *поведенческие* (обычаи, ритуалы, нормы, модели и стереотипы поведения); *социальные* (социальная группа, страта и т. д., определяемая как носитель субкультуры или ее порождающая среда), а также все они вместе (культура как целостный образ жизни) [Щепанская 2003, 29]. В то же время не всегда подчеркнут «небиологический» способ воспроизводства всего комплекса (воспитание, образование — социализация как средство трансляции культурной традиции) [Там же], поскольку речь идет и о призывании к поисковому делу на генетическом уровне («зов предков»). При этом сами копатели, как правило, себя к субкультуре не относят, полагая, что понятие, охватывающее их движение, шире: *«Логичнее сравнивать с движением комсомольцев-добровольцев (БАМ, целина и т. д.)»* (Зап. от М. Дзюбенко).

Участники поисковых экспедиций связаны мировоззрением, отношением к памяти. Поисковиков объединяет общее дело, наличие традиций, круга героев — образцов для подражания. Ими являются основатели отрядов и известные исторические личности, такие как генерал М. Г. Ефремов, командующий армией, обреченной в ходе Ржевско-Вяземской операции на гибель. Генерал, который не бросил своих солдат, заслужил своим поступком особый статус в глазах поисковиков, противопоставляющих его участь судьбе предавшего свою армию генерала А. А. Власова.

В поисковой среде сложились определенные лексические особенности речи. Основной жаргон «красных» и «черных» копателей послужили сокращения терминов, связанных с находками военного времени («ВОПы», «коп»), новообразования («фашик», «селяк»), лексика различных закрытых групп (в частности, тюремный жаргон: «фуфлить», «шмонать», «барыга»; милицкий/полицейский жаргон: «три лебедя» — о 222-й статье¹). Наделяются новыми значениями бытующие в языке определения («бодрая» и «тухлая» вещь). Также используется лексика («зона», «хабар») из ставшего культовым произведения братьев Стругацких «Пикник на обочине». *«Известно, что один из братьев служил сразу после войны на острове Шумиу. В годы Второй мировой за остров развернулись кровопролитные бои. Соответственно весь остров был завален как военным железом, так и человеческими останками»*. Также в среде копателей бытует мнение, что, *«живя в послевоенном Ленинграде, братья могли так же, как и поисковики, лазить по лесам, отыскивая различные военные трофеи»* (Зап. от М. Дзюбенко). Говоря об особенностях территории, на которой проводятся раскопки (*«место, которое тебе отвечает»*), поисковики вспоминают «Солярис» С. Лема. Сохранилась советская терминология для обозначения участников копа² (командир, ком-

¹ Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

² Коп — выезд/выход в лес, процесс раскопок.

состав, рядовые или подчиненные бойцы), «как в простейшем партизанском отряде» (Зап. от М. Дзюбенко). Среди оставшихся советских традиций — торжественное построение отряда; снятие головных уборов, опускание на одно колено, оружейный салют.

К собственно фольклору поисковиков следует отнести былички, страшилки, анекдоты, легенды, переделки известных песен, поверья и приметы, комплекс запретов. В меньшей мере представлены паремии и притчи. Среди традиционных жанров, встречающихся в текстах о поисковиках, «существенно модифицированные — современные мемораты и предания (в том числе неомифологические), включая такие слабо структурированные тексты, как слухи и сплетни» [Неклюдов 2003, 14]. Многие рассказы о поисковиках посвящены взаимоотношению с местными жителями и полицией, душами погибших, забавным и страшным историям, запомнившимся находкам, преданиям о месте, в котором проводятся раскопки. В шутках «черных» поисковиков фигурируют вымышленные персонажи, препятствующие или способствующие хорошему «улову» (абориген, Жбонница, дедушка Хабар, Шпрингуха, гмохи и др.). Для взаимодействия с ними созданы определенные ритуалы.

Участники поисковых экспедиций объединены общей самоидентификацией, они осознают себя находящимися ближе к Великой Отечественной войне, чем современники, ощущают себя связующим звеном между своими сверстниками и военным поколением.

Аксиологическая составляющая деятельности поисковиков очень важна. В годы войны и послевоенные годы пропавших без вести, «окруженцев» считали предателями. «В 70—80-е гг., когда историю Великой Отечественной войны писали в соответствии с идеологией КПСС, поисковики увидели другую историю, в которой были не только громкие победы Красной Армии, но и горькие поражения. Тогда каждый найденный солдат был не только именем, которое вернули из забвения, но и оправданным именем. Ведь официально считалось, что если пропал без вести, то сдался в плен или перебежал к врагам, а если человек погиб с оружием в руках, значит,

он не мог быть перебежчиком» (Зап. от М. Дзюбенко). Для поисковиков важны понятия «истина», «верность», «уважение», «дружба», «память». «Сохранение и обогащение исторической памяти народа через поиск мест былых боев, обнаружение незахороненных останков павших воинов, установление их имен и судеб с последующим увековечиванием памяти героев способствует прояснению малоизученных страниц истории Отечественной войны, возвращая ей имена защитников» [Садовников 2003, 7]. «*Масса безвестных подвигов, масса безвестных героев, которые до сих пор лежат в земле. Знание об их подвиге надо хранить не в старых газетах, а в умах и душах наших и наших детей*» (Зап. от Надежды Сергеевны Брагиной, 1988 г. р.; Карелия, Петрозаводск. Командир отряда «Хранители») [ЛАБ]. Помимо экспедиций поисковики участвуют в патриотическом воспитании молодежи: читают лекции о поисковом деле в своих вузах, приходят в школы на классные часы, приносят экспонаты в школьные и краеведческие музеи.

СМИ называют военных поисковиков «заканчивающими Великую Отечественную», «особой кастой» (Зап. от Людмилы Александровны Жуковой. Редактор газеты «Самостоянье». Смоленск) [ЛАБ].

Свою работу копатели осознают как **долг** перед погибшими (этот концепт отражен в названиях объединений, организаций и отрядов), поэтому делают всё возможное, чтобы **души** павших бойцов **обрели покой**.

Участники поисковых экспедиций и вахт памяти не продают реликвии; уничтожают найденные боеприпасы, при продаже которых могли бы заработать немало денег; готовы организовать выезды за свой счет. Поисковики, как правило, соблюдают основные моральные, духовные, религиозные запреты (уважают память о каждом погибшем воине, не глумятся над останками врага). Ряд запретов связан с суевериями (не брать с собой найденные на копе вещи; не говорить во время вахты «о смертном медальоне», чтобы не спугнуть удачу; не брать с собой и не покупать у местных жителей яйца³).

³ Мотивировка этого запрета отсутствует в современной традиции.

Для поисковиков их работа становится смыслом жизни, в первую очередь это касается «афганцев», многие из которых, вернувшись к мирной жизни, пошли в леса искать останки бойцов Великой Отечественной войны. В Афганистане не всегда была возможность найти тело погибшего товарища. И своим долгом «афганцы» считают поиск и перезахоронение тех, чьи останки находятся в зоне досягаемости, — солдат Великой Отечественной войны. Поисковики осознают важность своей работы, верят в то, что погибшие хотят быть найденными. Их лозунгом (ставшим штампом и потому нередко раздражающим копателей) может стать утверждение о том, что *война не окончена, пока не захоронен последний солдат*.

Во многом мировоззрение поисковика и человека, прошедшего войну, схоже. «Красные» поисковики испытывают после вахты те же чувства, которые ощущают приехавшие из «горячих точек» люди, видят во снах события, свидетелями которых не могли быть. Иногда поисковики после вахты погружаются в состояние, знакомое фронтовикам (мысленное возвращение на поля сражений, чувство вины, тоска). А. Г. Ивакин в сборнике рассказов «Я живу в ту войну» называет это состояние *поисковым синдромом* [Ивакин 2011], сравнивая с послевоенным синдромом. Определение построено по аналогии с понятиями «вьетнамский синдром» (являющееся медицинским термином в США), «афганский синдром». «Это то, что на языке медиков называется посттравматический стрессовый синдром, а на языке самих ветеранов звучит так: “Еще не вышел из штопора войны”» [Сенявская 1999, 101]. *Поисковый синдром* неразрывно связан с патриотическим чувством, и копатель осознает изменение своей психики (как люди, пережившие оккупацию, не могли слышать немецкую речь), отказывается играть за врага в дворовых, а ныне — компьютерных играх; плачет после посещения Поклонной горы. В то же время он не хочет забывать о *поисковом синдроме*, не может не ездить в поисковые экспедиции.

«Для настоящего поисковика “Вахта памяти” не заканчивается никогда, если он раз съездил в экспедицию, то его

жизнь делится на “до” и “после”. И та жизнь, что была “до”, кажется не такой яркой» (Зап. от Вероники Юрьевны Сорокиной, 1989 г. р. Республика Дагестан, г. Дербент. Поисковик из «Туристско-поискового отряда *Ориент* им. Сергея Яковлева») [ЛАБ]. Аналогичные ответы нередко дают участники войны.

Работа поисковиков осознается ими как богоугодная. Погибших на поле брани, защищавших Отечество, церковь считает невинно убиенными. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5: 9.). Даже если большинство членов отряда является атеистами, на церемонию перезахоронения останков принято приглашать священника для отпевания бойцов. В среде поисковиков бытует поверье, что за каждого найденного бойца прощается грех.

Поисковик — персонаж многих современных быличек об обнаружении останков погибших в годы Великой Отечественной войны советских бойцов и о перезахоронении останков. Он может быть охарактеризован с помощью ряда мотивов, демонстрирующих его вызванную длительным контактом с миром мертвых «иномирность», тесную связь с погибшими. В суеверных и мистических рассказах поисковиков (по жанровой природе близких быличкам, легендам и преданиям) образ поисковика занимает важное место.

Поисковик может видеть вещие сны, слышать голоса погибших бойцов (при выезде на вахту и дома — в случае, если не доделал начатое дело). Способность общаться с умершими возникает внезапно и, как правило, исчезает спустя некоторое время. Если этого не происходит, копатель, ставший частью мира загробного, может внезапно уйти из жизни.

Поисковик чувствует близкое нахождение захоронения: холодеют руки, ступни, появляются мурашки; предчувствует, где надо копать, ощущает на себе взгляд (в большинстве случаев солдат находится на месте своей гибели и смотрит в спину поисковика). Он испытывает неприятное чувство, словно могилу раскапывает, если копает там, где будут лежать останки бойца. Не может покинуть раскоп до окончания работы: чувствует головную боль и

слабость, которая проходит только при удачной находке, например хорошо сохранившегося («зачетного») солдатского медальона с запиской.

Поисковик слышит звуки, исходящие из мира мертвых:

— голоса, в том числе окликающие, зовущие его, звуки техники:

«Всякая мистика существует. Я слышал голоса, невнятно, вроде как окликает. Солдатики в 2009 году во время учений двух немцев видели, но я им не верю» (Зап. от Алексея Артамонова, 1982 г. р. Офицер. Работает в ВАВ ПВО ВС РФ, Смоленск) [ЛАБ];

«Про голоса могу сказать точно: в этом году мои ребята ночью у костра отказывались сидеть — голоса слышали и шаги в лесу вокруг лагеря. Самого окликали по имени, голос, казалось, прям из-за спины раздался, хотя в радиусе метров 300—400 людей не было. Говорят, от усталости такое происходит, когда уже измотаны работой» (Зап. от Владимира Волкова, 1978 г. р.) [Фольклор поисковиков];

— мольбу помочь, после которой находит останки женщин или детей;

— звуки боя, крики идущих в атаку солдат (часто это происходит, когда надевает наушники при работе с металлоискателем);

— фоновый звук в наушниках, трансформирующийся в исполняющий «Варяга» мужской хор;

— стон — перед нахождением частей тела погибшего бойца;

— голоса, переговаривающиеся или указывающие место, где лежат бойцы или убитые мирные жители.

Часто можно определить, чьи голоса (порой их характеризуют как странные, будто из загробного мира) слышит поисковик: бегущих в атаку с криком «ура» солдат; погибших санитарок; лепет детей, который повторяет эхо (перед нахождением куклы), крики детей; дудочку пастуха, подорвавшегося на mine; стук топора; песни военных лет.

Нередко поисковики обретают интуицию («чутье»), позволяющую находить места гибели бойцов без использования техники, после контактов с мертвыми (во сне и наяву).

Поисковик указывает место, где следует искать останки, во сне, или в измененном состоянии сознания.

Поисковик видит сны (в первую ночь всем поисковикам отряда может сниться одно и то же), в которых он словно переносится в другое время или смотрит вокруг глазами погибшего в данном месте бойца, в том числе с высоты птичьего полета. Копатель видит во сне:

— место, где нужно искать останки бойцов, притом что техника ничего не показывает;

— эпизоды быта военных лет;

— бойца на том месте, где лежат его останки:

«Офицер-летчик под Санкт-Петербургом вел раскопки. Видит сон: выходит он из палатки покурить к столу. А там солдат курит. Проснулся. Под ножкой стола нашли солдата» (Зап. от Е. Трохова);

«Было такое. В девяносто девятом году или каком-то. Поисковик рассказывал: спал-спал, приснился сон, как будто с той стороны, где палатки, — солдат. Утром встал, пошел — а там солдат...» (Зап. от Валентины Алексеевны. Руководитель отряда «Звезда». Респ. Коми. «Вахта памяти-2011», г. Ярцево Смоленской обл. 24.08.2011) [ЛАБ];

— бой, который был в данной местности (иногда в это время поисковик находится в болезненном состоянии, бредит). Похожие ощущения испытывает тяжело раненный боец: *«Среди воспоминаний фронтовиков есть эпизод, когда после тяжелого ранения они видят дислокацию своих войск в пространстве и времени сверху, свое тело, которое подбирают санитары. При этом не падают в тоннель, как при клинической смерти. Очнувшись, рассказывают подробности и окончание боя, чего не могли видеть»* [Царева 1995, 43];

— чужие сны (сны павших бойцов о войне);

— бой за деревню, как точную его реконструкцию, в котором принимает участие; при этом утром помнит все детали, находит документальное подтверждение им в архиве.

Поисковик слышит подсказки погибших красноармейцев о том, где нужно копать; слова воевавшего в данной местности предка.

Поисковик может начать видеть или слышать представителей иного мира после того, как берет вещи погибшего человека (например, надевает совет-

скую пробитую каску и неожиданно для себя говорит, где лежит боец). Это сопоставимо с инициацией, приобщением к миру мертвых.

Как правило, во сне поисковик видит не останки, а бойца, которого нужно искать, во плоти. Копатель чувствует, как поднятые бойцы (на тот момент представляющие собой кости в мешке) смотрят на него.

Видениями на местах массовой гибели могут быть не только люди, но и военная техника, которая чаще всего продолжает перемещаться в некогда заданном направлении. Над аэродромом показываются образы потерпевших аварию самолетов. Прецеденты появления техники-призрака описаны в мировом фольклоре и в литературе: легенды типа «Летучего голландца» о фантомах корабля, поезда и т. п. Местные жители говорят, что на некоторых территориях возможно параллельное существование двух миров (временных пространств). В интернет-группах по интересам представлены былички об аномальных явлениях в окрестностях д. Мясной Бор Новгородской обл. Перед глазами поисковиков воспроизводятся сцены сражений военных лет, в том числе с участием техники.

Удачливый поисковик — новичок (мотивировки: не включает логику, нет опыта, хочется проверить место, где теоретическая вероятность найти бойца минимальна). *«Часто везет тем, кто идет первый раз. Интуиция еще не развита. Профессиональный поисковик логику включает, определяет по железам: от пулемета, ракетницы... А новичок находит солдата щупом под первым кустом»* (Зап. от Е. Трохова).

Новичку сопутствует везение. Например, одна из поисковых историй повествует о том, что первая найденная вещь в месте, где не раз копали поисковики, оказывается ложкой, на которой нацарапаны фамилия и имя деда девушки, недавно вступившей в ряды следопытов. Перед поездкой ей снился дед, без вести пропавший на войне.

Новичка зовут голоса погибших, после чего он в состоянии полусна называет фамилию и имя найденного бойца, что позже находит документальное подтверждение.

Девушка, впервые приехавшая на вахту, слышит голос, идет на зов и находит кости бойца.

Группе молодых поисковиков везет: они быстро находят бойца с личными вещами.

Схожие представления о везении новичкам можно увидеть в других субкультурах (например, в фольклоре картежников, рыбаков).

«Черный копатель» во многих текстах, размещенных на форумах, противопоставлен «красному» поисковику. Прежде всего «черные копатели» («черные археологи», «черные следопыты», «пираты», «вольные копатели», «трофейщики», «хабарщики», «гробокопатели» и «копачи») преследуют материальную выгоду, забирают ценные вещи у погибших, ищут сокровища. В популярной песне «черных» опытный кладоискатель — «старый следопыт». «В Южной Америке существует другое название — “тамбаролли”, что значит “осквернители могил”. <...> В России “черные копатели” — незаконные поисково-археологические отряды, специализирующиеся преимущественно на артефактах Великой Отечественной войны и других войн с целью заработка» [Iron Cross].

Поскольку ценные вещи можно найти прежде всего у фашистов, «черные копатели» тревожат их останки. Сакральных предметов для многих «черных» не существует. Об этом свидетельствует их отношение к вещам: могут пнуть советскую каску, т. к., в отличие от немецкой, ее цена на черном рынке ничтожно мала. Многие сюжеты связаны с посещением «черного копателя» хозяином найденной вещи. Любимый персонаж современных «черных» — Фашист из кинофильма «Брат-2».

С образом «черного» поисковика связаны следующие **мотивы и сюжеты**.

Он чувствует незримое присутствие обладателя вещи. Иногда во сне приходит хозяин предмета с требованием его вернуть (например, снятую с черепа каску). Этот мотив имеет связь с традиционной культурой, прежде всего — с запретами выносить что-либо с кладбища, надевать на себя чужие вещи, особенно крестики («нести свой крест» должен каждый сам), смертные медалионы и т. п. «Черный копатель» видит

кошмары, пока вещь из раскопа с плохой энергетикой лежит дома. *«Один черный копатель рассказал: нашел кольцо золотое, пока дома это кольцо лежало, видел кошмары каждую ночь»* (Зап. от Анатолия Титова (Паука). Москва. Повар) [ЛАБ].

Среди рассказов о раскопках бытует немало текстов о кладах, связанных с традиционными преданиями. Клад, который интересует «черных копателей», открывается не каждому. Популярны сюжеты о наказаниях (проклятьях) за кощунственные действия (осквернение могил). «Черные копатели» могут искать спрятанное местными жителями при отступлении Красной Армии добро, на которое, согласно преданиям, читали заговор, чтобы досталось доброму человеку или сгинуло. В некоторых быличках говорится о том, что сразу же после поднятия ценного предмета (клада) на поверхность земли «копач» чувствует резкое недомогание, которое проходит лишь после посещения церкви.

«Черных копателей», как и поклонников тяжелого рока, неоязычников, могут мучить кошмары. На месте раскопа они видят ночью немецкую технику и слышат немецкую речь, утром находят следы от гусениц немецкого танка. Копатели попадают под ливень или град (хотя вокруг стоит хорошая погода), когда тревожат останки; могут заблудиться.

По мнению «красных», подчеркивающих свою оппозицию нелегалам, «черные» нередко наказываются неудачами, проблемами в личной жизни и со здоровьем. *«По поводу “черных” — не знаю... Может, и снится что. Но, по крайней мере, проблем у них возникает много — со здоровьем, семейных»* (Зап. от Савич Анны) [Маленькие рассказы].

Порой наказание оказывается связанным с гранью между мирами, и «копач» пытается покончить с собой, если не избавляется от вещи или не снимает ее (надетый немецкий жетон вызывает мысли о виселице); погибает при странных обстоятельствах или совершает суицид после ряда видений.

Смерть может быть нелепой. В одной из быличек «черные копатели» убивают друг друга, находясь в состоянии алкогольного опьянения. Во время копа обычно действует «сухой» или

«полусухой» (разрешающий пить только после работы) закон.

Известно мнение, высказанное «красными», что род «черных», как и предателей, будет проклят. Это касается и тех, кто раскапывает могилы, разоряет кладбища, под видом поисковиков едет ради совершения некромантских обрядов.

Как наказание за кощунство, помимо «черных копателей», несчастья преследуют тех, кто хранит дома или надевает вещи с копа, во время раскопок пьет алкоголь.

«Красные» и «черные» и в наши дни отличаются преимущественно наличием документа, разрешающего искать останки солдат в данном районе (что нередко воспринимается поисковиками как формальность). Они интересуются историей родной страны и других государств и, как правило, не любят «квасной патриотизм». «Красные» и «черные» нередко взаимодействуют, т. к. последние не могут передать властям найденные останки. Они иногда сидят у одного костра и поют советские военные песни, «фирменные» песни «красных» или «черных». В то же время, как и на заре зарождения поискового движения, многие «красные» демонстративно подчеркивают свое отличие от «черных», а те, в свою очередь, акцентируют свою маргинальность. Поисковики обязательно носят форму, чтобы отличаться от туристов, при этом «черные» предпочитают черный цвет, немецкую форму, в т. ч. потому что им удобнее носить кепи, чем пилотку, пользоваться пряжками, а не ремнями. «Красные» же ходят в камуфляже, форме «защитного» цвета.

Таким образом, можно сказать о бытовании в поисковых текстах следующих персонажей: «красный» поисковик (удачливый поисковик — новичок или следопыт, приобретший чутье на находки), его антагонист «черный копатель» (специалист в деле копа у «черных» — умудренный опытом «старый следопыт»). Здесь энтузиазм неофитов соперничает с опытом профессионалов.

Традиции отрядов, каждый из которых имеет свои название и эмблему, значительно различаются. Они связаны с посвящением в поисковики (в школь-

ных отрядах устраивают для новичков «полосу препятствия», как в пионерских лагерях), поминанием погибших (зажигание свечей, мытье костей перед захоронением — «омовение усопших», исполнение песен военных лет), поощрением (нашедшему первый за сезон медальон вручается банка сгущенки). Некоторые традиции поисковиков сходны со студенческими или туристическими; стройотрядовскими (работать до трех «хватит»; отмечать «экватор» — середину вахты; вести дневник отряда; петь у костра песни), армейскими (проверка бдительности: подкидывание патронов в костровище дежурному, который обязан его протыкать ножом) и археологическими (питье из передаваемого по кругу котелка). Это связано и с тем, что многие поисковики имеют военное или историческое образование. Неподчинение комсоставу и нарушение техники безопасности в условиях работы, сопряженной со смертельной опасностью (с ВОПами) карается исключением из отряда. Кроме того, нарушителя за большую провинность могут побить, считая это *нормальными мужскими разборками*.

Самыми страшными находками поисковики считают медицинское захоронение и останки женщин и детей. Также копатель боится найти документы однофамильца. Этот сюжет представлен в «Поисковой мистике» А. Г. Ивакина [Ивакин 2011] и в современном фильме о войне «Мы из будущего». Он связан с поверьем о скорой гибели человека, увидевшего двойника. Среди подобных рассказов — записанный известным петербургским фольклористом Н. А. Синдаловским — о том, как государыне Анне Иоанновне незадолго до ее кончины привиделся двойник [Синдаловский 1997, 102—103]. Замещение человека неким существом имеет давнюю традицию и отражено в литературе («Нос» Н. В. Гоголя, «Дьяволиада» М. А. Булгакова).

Как правило, паремии поисковиков связаны не только с их работой, находками (*Пуля дура, а штык не нашли; Для кого-то это бревно, а для кого-то Фатерлянд; Устройство этого взрывателя я знаю, как свои три пальца*) и моделью поведения (*Чем ближе к земле, тем чернее шутки*), но и окружением. Они дают

информацию о восприятии копателями местного населения. «В 80-е гг. нашли бочку, в ней — в промасленных шинелях — винтовки. Поисковики не могли их увезти. А местные сразу же винтовки разобрали: на кабана ходить. *Второй пулемет в кулацком хозяйстве не помеха*» (Зап. от М. Дзюбенко). Отражен в пословицах и поговорках образ поисковика: *Старый копач монетки не испортит. Для хорошего копаря семь верст не крюк. Смелый копарь не глядит в календарь. Копарями не рождаются — ими становятся. Копарь — это звучит гордо, а выглядит еще хуже*. В среде поисковиков бытуют анекдоты о копателях и кладоискателях, о Великой Отечественной войне, в том числе «черный юмор» о фашистах, диалоги внуков с ветеранами.

«— Дедушка, зачем ты машинным маслом огород поливаешь? Помидоры же не будут расти.

— Да черт с ними, с помидорами. Главное — чтоб пулемет целым остался» (Зап. от М. Дзюбенко).

Былички, легенды и предания поисковиков о встречах с погибшими воинами сложно назвать прямым продолжением традиционных устных рассказов о войне. Изначально в устной традиции война осмыслялась как катастрофа, конец света. В рассказах поисковиков присутствуют мистические мотивы, привнесенные из Сети, телевидения (с телешоу и передачами о паранормальных явлениях, вампирах, боями без правил и т. п., так называемым зомбирующим воздействием на психику), публицистики, литературы, кинематографа (в том числе отечественного). Так, в последние годы в кино о войне акцент сделан не на героизме, а на мистической составляющей. В фильме «Мы из будущего» главные герои, современные парни, переносятся в годы Великой Отечественной войны, после того как находят документы военных лет, принадлежащие им самим. Здесь можно встретить традиционные для фольклора сюжеты (наказание за кощунство — попытку использовать череп красноармейца в качестве мишени), мотивы (перемещение во времени), образы (границей между мирами являются вода лесного озера, туман; неизвестная старушка напоминает сказочную помощницу). Кстати, среди копателей бытует

«Ничего так не бодрит, как с утра метеорит»: жизнь традиции в современной культуре

мнение, что в основе главной сюжетной линии лежит одна из поисковых баск, выложенная на форуме. Попадание в туман становится причиной перемещения призвынников в военные годы в современном сериале «Туман». Он же фигурирует в рассказах поисковиков и на их фотографиях с копа. Кроме того, копатели любят показывать наложение двух временных пластов на фотографиях, перемещая с помощью компьютерных программ черно-белые изображения бегущих солдат в современность. Туман также присутствует в мистическом фильме К. Шахназарова «Белый тигр». В нем немецкий танк, который символизирует злого духа войны, всегда появляется из тумана и в туман же уходит.

В обрядах поисковиков видна связь с поминальной традицией (крест над временным захоронением, копаная кружка с водкой и кусок хлеба под крестом, иногда — свечи; отпевание мертвых священником, стоящие в помещении гробы с лежащими на них касками как возможность для местным жителям и родственникам опознанных бойцов проститься с погибшими; бросание горсти земли каждым поисковиком). В то же время заметны элементы, внесенные из других культур (пускать китайские фонарики в небо в последний день «Вахты памяти»). Поисковики отмечают внезапные изменения погоды на том участке местности, где ищут останки бойцов (дождь, ливень; снег — при нахождении останков бойцов, погибших зимой). Это отсылает к народным погодным приметам, связанным с миром мертвых (идет дождь при смерти хорошего человека), мотивом оплакивания матерью-землей погибших воинов.

В текстах копателей встречается повествование о вещих снах и предчувствиях; мотивы, реализуемые в преданиях о кладах (желающие быть захороненными по всем правилам бойцы словно преследуют поисковиков). Продолжают действовать моральные и нравственные законы (наказание за святотатство). Это сближает былички поисковиков с традиционным фольклором. В то же время фольклорная традиция поисковиков помимо народного опыта усвоила черты современного фольклора.

Литература

Гюнтер 1997 — Гюнтер Х. Поющая Родина. Советская массовая песня как выражение архетипа матери // Вопросы литературы. 1997. № 4. С. 46—61.

Ивакин 2010 — Ивакин А. Г. В окопах времени. М., 2010.

Ивакин 2011 — Ивакин А. Г. Поисковая мистика // Я живу в ту войну. Аудиосборник. 2011. МР3; Ивакин А. Г. Поисковые рассказы // Я живу в ту войну. URL: http://okorka.ru/i/iwakin_a_g/text_0040.shtml

Кларк 1992 — Кларк К. Сталинский миф о «великой семье» // Вопросы литературы. 1992. Вып. 1. С. 72—96.

Маленькие рассказы — Маленькие рассказы о Великой Войне // Поисковое братство. URL: http://vk.com/topic-1512043_22765581 (дата обращения: 14.02.2012)

Неклюдов 2003 — Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 5—24.

Садовников 2003 — Садовников С. И. Поиск, ставший судьбой. М., 2003.

Сенявская 1999 — Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

Синдаловский — Синдаловский Н. А. История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах. СПб., 1997.

Страшные истории — Страшные истории // URL: <http://4stor.ru/> (дата обращения: 17.03.2013).

Фольклор поисковиков — Фольклор поисковиков // Поисковый отряд «Высота» (г. Межгорье). URL: http://vk.com/topic-12888680_27479746 (дата обращения: 15.01.2013).

Царева 1995 — Царева Г. И. На войне и не такое бывает // Наука и религия. 1995. № 5. С. 42—43.

Щепанская 2003 — Щепанская Т. Б. Традиции городских субкультур // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 27—33.

Iron Cross — Центр военной археологии «Iron Cross» // URL: <http://www.ironcross-sma.com/content/view/3928/60/> (дата обращения: 15.12.2013).

Сокращения

ЛАБ — Личный архив А. Ф. Балашовой

Summary. The article deals with the problems of ethical standarts in searching sphere. The images of the “red” searcher and the “black digger” are analysed. The main folklore plots and motives are enumerated.

Key words: The Great Patriotic War, searching movement, the searcher.